

КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (1921-1939)

В.С. Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Особенности аграрной культуры западного региона Беларуси определяются спецификой аграрных отношений, имевших место в недавнем прошлом. В XX веке многие общества пережили период трансформации, который значительно изменил их облик: соотношение городского и сельского населения, характер занятости и т.п. Обобщенно его можно было бы определить как модернизация аграрных обществ под влиянием индустриализации и сопутствующих явлений в культуре.

Важным участником социальных, экономических, культурных процессов Западной Белоруссии были крупные землевладельцы. Крупная земельная собственность была одной из характерных черт экономики Западной Белоруссии. Концентрировалась она в южных воеводствах: Полесском (67,6%) и Новогрудском (50,5%). За пределами региона такой высокий процент встречался лишь в Познаньском воеводстве (53,6%).

Крупнейшим собственником было государство. В его собственности находилось 44,8% земель Полесского воеводства. Унаследовав от Российской империи роль крупнейшего землевладельца, польская республика унаследовала и патерналистский характер отношений, что в частности проявилось в планах по проведению в этой части государства масштабной колонизации (осадничества).

К обладателям «крупной частной собственности» Людвик Гроджицкий отнес владельцев земельных участков площадью более 50 гектаров [3, с. 32]. В имущественном отношении их можно разделить на три группы: хозяев более 5000 гектаров, обладателей участков от 500 до 5000 гектаров, а также собственников территорий площадью от 50 до 500 гектаров. В Полесском воеводстве насчитывалось 44 хозяйства первой категории, 270 – второй категории и 1164 – третьей. Средний размер латифундии составлял 18 тысяч гектар. На имения меньших размеров приходилось около 1,5 тысяч гектаров [3, с. 33-34]. Наиболее распространенный тип крупного землевладения был представлен хозяйствами с площадью около 130 гектаров.

Среди крупных частных землевладельцев доминировали дворяне. В Белостокском воеводстве наибольшее количество имений (110 из 577) приходилось на Гродненской повет. Их суммарная площадь составляла 40827 гектар [6, с. 19]. Дворянство владело 14% земель Гродненского повета, 15% – Пружанского, 25% – Слонимского, 27% – Брестского, 27,7% – Лидского, 29% – Ошмянского, 31% – Кобринского, 36,2% – Новогрудского, 38% – Вилейского, 71,2% – Пинского поветов [7, с. 26].

О социально-экономической роли крупных частных владений красноречиво свидетельствуют их характер и структура. Крупные имения в Западной Белоруссии располагались на землях с низкоурожайными почвами. Это определило их географию: они, преимущественно, сохранялись в воеводствах, поветах и гминах с повышенным процентом лесистости, заболоченных территорий. В Полесском воеводстве такими были части Лунинецкого, Столинского, Пинского и Кобринского поветов. Несмотря на то, что в группу крупных землевладельцев формально попадали собственники хозяйств площадью 50-100 гектаров, не менее 75 % этих площадей приходилось на малоурожайные почвы. Низкая урожайность зачастую компенсировалась количеством используемых в сельском хозяйстве площадей. С

низкой рыночной привлекательностью упомянутых земель связана пестрота социального происхождения их владельцев. Среди них часто встречались зажиточные крестьяне, священники, мелкие дворяне.

На примере нескольких хозяйств видно (см. таблицу), что только в категории до 500 гектаров встречаются такие, где сельскохозяйственными культурами занято около 50% площадей. Крупные хозяйства отличаются повышенной долей леса, неудобий, лугов. Животноводческая специализация им также не характерна. В этих условиях крупное имение не было синонимом высокотоварного конкурентноспособного хозяйства.

Характеристика сельскохозяйственного потенциала избранных крупных частных хозяйств Западной Белоруссии [6, с. 38].

№	Местность	Общая площадь, га	Пахотной земли, га	Пастбище, сенокос, га	Неудобий/лес, га	Коров/телят	Лошадей/жеребят	Свиней
1.	Кулики, Пружанский п.	286	89	28	34/135		7	
2.	Варняны, Ошмянский п.	300	102					
3.	Белоусовщина, Пружанский п.	373	202	36		304/10		108
4.	Огоревичи, Барановичский п.	947	150	695	-/98			
5.	Луковцы, Вилейский п.	1081	260	163	53/609	27/17	100/38	34
6.	Астюковичи, Вилейский п.	1200	300	100	-/800	41	30	
7.	Тышевля	1240	350	90	-/670			
8.	Круп Каменноль, Браславский п.	1300	400	200		50		
9.	Адаховщина, Барановичский п.	2300	800	1500				
10.	Ястребы, Барановичский п.	2325	407	206	-/1996			
11.	Севцы, Вилейский п.	2400	315	700		35	20	

Характерно, что в регионах с высоким процентом крупной земельной собственности отмечался низкий уровень аграрной культуры ее владельцев. В частности имения Пинского повета, по мнению местной администрации, были «ужасно запущены, в особенности те, которые насчитывают большое количество пахотной земли, поскольку из-за отсутствия живого и мертвого инвентаря собственники этих имений не в состоянии подобающим образом их обработать, эти земли в определенной мере они сдают по частям в аренду жителям окрестных деревень, которые по причине низкого уровня аграрной культуры опустошают почву, из-за чего урожайность этой земли становится все ниже и в конце концов доходит до того, что большинство этих земель становятся неудобьями» [9, с. 8]. Хозяин одного из крупнейших имений Брестского повета Леонид Ерогин «не интересовался хозяйством, и имение находилось в запустении» [8, 56об;2, с. 11]). В еще более плачевном состоянии находились имения Бориса Константиновича Постовского Дубовый круг и Медведка Брестского повета. Два кредита на сумму 20000 злотых хозяин израсходовал на личные нужды [8, с. 57;2, с. 12].

Несмотря на низкотоварный характер многих крупных частных владений и низкий уровень аграрной культуры обслуживающего их персонала, собственники не

стремились кардинальным образом менять ситуацию. Изменения ассоциировались у них с леворадикальной политикой, ведущей к социальным потрясениям. Крупные землевладельцы традиционно придерживались консервативных взглядов и по многим вопросам выступали против республиканской власти и политики польского правительства. В частности многих из них возмущала сама возможность легального существования левых партий, представляющих интересы национальных меньшинств. В 1927 году «в правой прессе проявилась все большая нервозность в связи с, надуманной, поддержкой или защитой Громады, были озвучены требования ее ликвидации. В последнее время в результате декрета о проведении аграрной реформы дворянская пресса стала бить тревогу, искусственно связывая покупку государством некоторых имений в восточных регионах, которое состоялось совершенно легальным, с фактом сохранения легальности Громады» [1, с. 7].

Детальное описание ситуации, в которой находился дворянин в Западной Белоруссии, оставила Мария Родзевич: «Он бы охотно продал часть имения, но на эти пески и болота не было желающих, так как крестьяне жили надежной, что с дня на день правительство отнимет земли у помещиков и отдаст им бесплатно. Все агитаторы и кандидаты в депутаты убеждали их на митингах, об этом же писалось в «украинских» брошюрах и журналах, щедро рассылаемых по гминам. Аграрная реформа, закон о гминах и местном самоуправлении, воеводство, сеймик, староство, налоговая система, закон о дорогах, тысячи новых предписаний, поборов, ограничений впрочем отнимали всем помещикам-полякам силы и здравый рассудок. Подорванные войной, среди руин своих хозяйств, теряя силы и веры в будущее, возможность существовать и выносить новые условия. Они были лишены средств и даже голоса в защиту своих прав в гмине и сеймике. Были меньшинством, о котором никто не заботился, которое нигде не было представлено, нигде не имело поддержки» [5, с. 103].

Консервативная позиция большинства крупных землевладельцев, основанная на защите социального статуса и имущественных прав, в определенной степени допускала отступления и, даже, поддержку новых форм хозяйствования. Известны примеры, когда хозяева имений обещали оказывать местным крестьянам значительную поддержку при условии их участия в работе польских организаций. Под влиянием владельца имения Юхновичи Дрогичинского Яна Кароля Виджиги 4 и 10 июля 1934 года украинские кооперативы в Потаповичах и Евлашах приняли решение перейти под патронат польского ревизивонного союза кооперативов «Сполем» [10, с. 1-15]. Подобные примеры свидетельствуют о размывании идеологической позиции крупных землевладельцев, росте антагонизма между отдельными представителями и группами по вопросу социально-экономической трансформации.

Широкий резонанс имело участие в избирательной кампании 1928 года в Сейм и Сенат владельца имения Баландичи Дрогичинского повета Александра Ивановича Кисловского. Его имение в 9 тыс. десятин оценивалось в сумму 200 тысяч злотых. Сочетая роль крупного латифундиста и регионального представителя концерна «Фиат», Кисловский считал возможным сочетать взгляды русского монархиста с идеями широкого просвещения (расширял и поддерживал сеть библиотек) и аграрной реформы. Деятельность Кисловского нашла отклик у интеллигенции ряда местечек Полесского воеводства (Давид-Городка, Лунина, Янова) и части крестьян. Возросшая популярность позволила кандидату от Русской национальной организации (РНО) пройти в избирательном округе № 60 в Сейм. Как оппоненты, так и коллеги по

организации раскритиковали Кисловского за популизм. После чего он перестал активно участвовать в общественной жизни [2, с. 4-5].

Крупные землевладельцы не были национально однородной группой. Наряду с польским/полонизированным дворянством была значительная группа русского/русифицированного дворянства. Со времен Российской империи между ними существовал конфликт интересов. В частности, хозяйка имения Копцовщина Гродненского повета Анна Трусова негативно относилась к полонизации и в 1937 году инициировала сбор подписей в защиту преподавания в школе Закона Божьего на русском языке. Ее инициативу поддержали 800 местных жителей [4, 9об].

В группах крупных землевладельцев с близкими политическими взглядами отношением к проводимой религиозной и национальной политике правительства также заметны отличия, обусловленные происхождением и различным социальным опытом. Именитые дворяне (вице-губернатор Лев Владимирович Лыщинский-Троекуров – владелец имения Руда Брестского повета [8, с. 57; с. 2, 9], вице-губернатор Борис Николаевич Палеолог – собственник имения Островок Дрогичинского повета [2, с. 35], князь Борис Федорович Оболенский) вели непубличный образ жизни, оказывая скромную поддержку элитарным инициативам представителей своего круга [9, с. 139; 9, с. 159; 2, с. 29]. Примером такой активности может быть съезд бывших российских кадетов, созданный князем Оболенским в Пинске 25 февраля 1932 года, на который собрались 9 человек [9, 139; 9, 159; 2, 29]. Среди лидеров национального движения, организаторов общественной жизни преобладали представители «полностью обруселой давней застенковой шляхтой» [2, с. 22]. Это было характерно для дворянства Пинского, Столинского и Лунинецкого поветов. Администрация Столинского повета характеризовала местную шляхту как «наиболее русифицированную». [9, 227об.]. Редактор газеты «Пинский голос», глава правления пинского отделения Русского благотворительного общества (РБО), умеренный монархист Николай Иванович Березницкий владел имением Соломенка Пинского повета [8, 55 об.; 9, с. 74; 2, с. 14]. Еще один председатель пинского отделения РБО, руководитель и попечитель пинской русской гимназии, меценат, просветитель Ольга Владимировна Смолянская была хозяйкой Лопатин Пинского повета [8, 55 об.; 2, с. 20-21]. Лидером радикальных монархистов г. Пинска был собственник имения Кристиново Дрогичинского повета, член нелегального Братства Русской Правды, меценат, публицист, издатель газет «Под небом Полесья» и «Пинский голос», участник избирательных компаний в органы местного самоуправления инженер Константин Петровский [2, с. 7-8].

Выводы

Крупная земельная собственность способствовала сохранению и усилению авторитарного характера государственной власти – прямой причины создания в 30-е годы национальной формы авторитаризма.

Западная Белоруссия была регионом концентрации дворянского землевладения. Недостаток политической воли способствовал сохранению в Западной Белоруссии низкотоварных латифундий. Располагались они преимущественно в местностях с низкоурожайными землями, со значительной долей болот, лугов и лесов. Крупные землевладельцы были разнородной группой населения в имущественном, социальном, национальном плане. Под влиянием процессов общественной трансформации существующие в ней внутренние противоречия усугублялись. Это проявлялось в стихийной поддержке частью землевладельцев аграрной реформы, кооперации и т.п. Ведущую роль в представительских организациях играло Местное малоземельное

дворянство в силу консервативных монархических взглядов большинства, находившихся в конфликте как с массовыми социалистическими партиями, действовавшими на местах, так и республиканской политикой правительства.

Список цитированных источников

1. Archiwum akt nowych (AAN)z. 296syg. 19.
2. AANz. 976 syg. 56.
3. Grodzicki, L. Struktura posiadania grontow na Ziemiach Zschodnich – W-wa: Komisja naukowych badań Ziem Wschodnich, 1938. – 39 s.
4. Państwowy Archiwum w Białymstoku (PAwB) z.79syg.97.
5. Rodziewicz, M. Gniazdo Białozora – Poznań: Wydawnictwo polskie R.Wegnara, 1936. – 252 s.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф.4 – Оп.21 – Д.1775.
7. НАРБ – Ф.242 – Оп.1 – Д.7.
8. Государственный архив Брестской области (ГАБО) – Ф.1 – Оп.9 – Д.136.
9. ГАБО – Ф.1 – Оп.9 – Д.1182.
10. ГАБО – Ф.1 – Оп.9 – Д.2310.

ЭЛЕКТРОННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: ПОНЯТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ

С.А. Михальчук

*Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки,
г. Луцк, Украина*

Социальный прогресс XXI века отмечен тенденцией внедрения инновационных принципов коммуникации и интеракции между государством и обществом. Одни из них, такие как электронная демократия и электронное управление носят конструктивный характер, тогда как электронный авторитаризм – деструктивный.

Е-демократия и е-управление являются объектом исследования целой когорты ученых, чего нельзя сказать об электронном авторитаризме. Понятие электронного авторитаризма является в большей степени полемически острым, чем научным, однако сегодня существует потребность ввести его в научную дискуссию для характеристики конкретных политических процессов.

Определение и характеристика электронного авторитаризма отчасти являются производными от понимания электронной демократии. Так, концепция электронной демократии развивается в рамках общей теории демократии. Демократия – форма организации общества, его государственно-политического устройства, основанного на признании народа источником власти, последовательном осуществлении принципа равенства и свободы людей, их реального участия в управлении делами государства и общества [2].

Ключевая характеристика электронной демократии – изменение формы и степени привлечения граждан к принятию политических решений. Электронная демократия является следствием развития собственно демократии как института народовластия. Суть электронной демократии сводится к использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях усиления демократических процессов в условиях существования представительной демократии. Л. Фридлэнд считает, что понятие электронной демократии предполагает кардинально новую форму демократических практик, трансформированных новыми ИКТ [9].